

Институт президентства, между прочим, вообще лучше было бы ликвидировать. Но пока он нужен: если при стабильной экономической системе от того, кто избран президентом, мало что меняется, то при ее неопределенности, зыбкости от личности президента во многом зависит, куда же пойдет страна.

Сейчас ситуация в России такова, что ни один из претендентов на президентское кресло из числа деятелей, известных народу, не способен предложить приемлемую для него программу. А те, кто на это способен, — народу не известны, они не могут к нему пробиться и с ним объединиться, ибо не имеют доступа к средствам массовой информации, прежде всего к телевидению. Этот заколдованный круг должен быть разорван. И он, надеюсь, будет разорван.

Интервью Петра Марковича Абовина-Егидеса «Солженицын и Россия: путь к взаимности» читайте на 4-й странице.

Фото Владимира ПАРАДНИ.

Петр Абовин-Егидес хорошо известен читателю «Искры». Мы снова с ним встретились в его небольшой квартире в парижском пригороде Креть. Поводом для разговора послужила новая работа Петра Марковича. Автор известной книги «Трагедия великого гуманиста» об академике Сахарове заканчивает сейчас книгу о Солженицыне.

— Есть два крайних, я бы сказал, кардинально противоположных мнения о Солженицыне вообще и о его приезде в Россию в частности, — начал разговор П. Абовин-Егидес. — Одну крайность выражает бывший диссидент Александр Подрабинек. В своей «Экспресс-хронике» он возмущен Солженицыным до небес, высказывая его едва ли не новым пророчком. «...Солженицын сам по себе — как целая политическая партия», — пишет Подрабинек. — Солженицын вернулся. Нам повезло...»

— А вторая крайность? — Ее выражает писатель Эдуард Лимонов. Выступая недавно в «Книжном обозрении» и в «АиФ», он не пожалел для Солженицына сарказма. Я и его процитирую: «Александр Солженицын разрушитель для России... Нам очень долго не отмыться от этой подрывной работы Александра Исаевича». И, обращаясь к Солженицыну, заключает: «Господин хороший, вы-то, собственно говоря, эту войну (то есть третью мировую) и готовили».

Обвинить Солженицына в подготовке «третьей мировой» — это кощунство. Да, он писал в свое время, что Запад проиграл третью мировую войну, потому что Советский Союз распространил свое влияние на Анголу, Эфиопию, Сомали, Афганистан и т. д. Но это отнюдь не значит, что он ее готовил. Кстати, и тут он оказался плохим пророчком. К сожалению, третью мировую выиграл капиталистический Запад, причем без единого выстрела. СССР, как и весь «социалистический лагерь» (Варшавский блок), рухнул из-за ренегатства его собственных лидеров, с помощью доллара.

Впрочем, Солженицын в этом пророчестве сам себе противоречил. То он предсказывал Западу проигрыш в третьей мировой, то утверждал, что коммунизм вот-вот рухнет. Это была своеобразная попытка материализовать его ненависть к коммунизму, который Солженицын яростно не признает.

Ведь по сути он не о коммунизме говорил: ни социализм, ни тем более коммунизм в нашей стране не были осуществлены, ибо сталинизм с ними несовместим. В нашей стране погиб тоталитаризм (и слава Богу), а не коммунизм вообще. Об этой гибели никто бы и не жалел. Но беда, что вместо него ельцинство возмелло брутальный, компрадорский капитализм, принесший народу новые неисчислимые бедствия. И то, что Солженицын подобное оклопачивание народа осуждает (в отличие, скажем, от таких бывших диссидентов, как Кронид Любарский или священник Глеб Якунин), говорит как раз о том, что он совершает значительную эволюцию.

Разнобой в оценках Солженицына сбивает публику с толку и не дает ей возможности выработать собственное мнение о нем как о писателе, общественном деятеле, как о человеке. Вот поэтому я и решил написать о нем книгу. О Солженицыне как он есть, без прикрас, но и без поношений...

Я начинаю с анализа его произведений на лагерьную тему. Рисую людей, раздавленных деспотическими жерновами, воссоздавая жуткие картины мизантропии лагерных опричников по отношению к миллионам заключенных, обнажая дикое, чисто зоологические отношения в самой лагерной иерархии (между придурками, работягами, пахана-

ми, шестерками, блатными «закон», ссученными, фрейрами, женщинами-палаповками и т. д.), Солженицын показывал, как людей превращали в количество «голов», наподобие скота. Вместе с тем он проводит лейтмотивом идею: в подлинном человеке убить человека так и не удалось даже Сталину.

К примеру, простой мужик, заключенный Иван Денисович, который сидит действительно ни за что, ибо его взяли «по разнарядке», для набора дармовой рабочей силы, заканчивает свой рабочий день так:

«Засыпал Шухов вполне удовлетворенный. На дне у него выдалось много удачи: в карцер не выгнали, в обед он закодил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену Шухов клал весело, с поножкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил, и не заболел. Прошел день ничем не омраченный, почти счастливый».

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС

Солженицын и Россия: путь к взаимности

Стало быть, не убит до конца человек в Иване Денисовиче. Но какой человек? Что в нем говорит? Человеческая радость от самого преобразования телесного труда даже в условиях рабства? Или налицо какая-то смесь этого с притиркой к лагерному рабскому стилю жизни, который выглядит в глазах Шухова едва ли не нормальным? Может быть, в этом символ всей российской жизни, всей России, где вершинной жизненной мудрости стало изречение: «Плетью обука не перешибешь». А по-сему, мол, хоть и вынуждены мы жить в рабстве, но уметь надо и при этом испытывать радость труда, а не относиться к нему, как к бремени, как к Божьему наказанию.

И опять мы сталкиваемся с очередным противоречием Солженицына. То он сетует (и причем весьма зло и сердито) на тех, кто считает русских рабами по их характеру, то сам рисует Ивана Денисовича как раба, даже и в мыслях своих не восстающего против постылой жизни. Такова, дескать, вся Рассеюшка, а вне ее мира, может быть, и вовсе нет... Быть может, и весь он, Божий мир, таков. Бежать, но куда? И как?

В «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицын описывает жуткую сцену. Возрождающий опричник привозит в лагерную зону превращенные в кровавое месиво тела пойманных ими беглецов и выставляют их на всеобщее обозрение: чтобы другим бежать не повадно было. Даже у меня, старого лагерника, волосы вставали дыбом, когда я читал все это. Иногда можно услышать:

«Это преувеличение, такого быть не могло». Могло, и еще как. Все это чистая правда. И Солженицын еще не обо всех кошмарах знал. Ему «везло»: он был то в «шарашке», то в лагере для политзаключенных. А до 1948 года их еще не было. Все — и политические, и воры с бандитами — все были в общих лагерях. А она еще ужаснее политических. Я, поскольку находился в общем лагере, мог бы еще добавить более страшные картины: сломанная пополам женщина, убитый человек ничего не стоил, ибо смертная казнь не было. А срок для рецидивистов ничего не значил, для них «тюрьма — дом родной». Людей прогоняли в карты, женщин насилуют, а затем пускали «под

трамвай», то есть сбрасывали в шурф шахты.

Помню картину: один доходяга схватил с подноса бригадира пайку хлеба, лег на землю, накрылся бушлатом. Его били ногами куда попало, а он глотал кусками этот хлеб...

О совершенно жуткой истории рассказывает писатель Георгий Владимов в своей повести «Верный Руслан», которая в художественном отношении, с моей точки зрения, сильнее, чем произведения Солженицына. Лагерный начальник приказал залить из шланга зимой бараки с живыми людьми холодной водой, превратив их всех в ледяные глыбы. (Точно так же, как фашисты поступили в концлагере с легендарным генералом Карышковым).

А какие муки испытывали заключенные в брежневских психушках? Я это все прошел, но себе помню. Но вот и про это говорит иные: «Лучше не вспоминать». Зачем, мол, все это ворошить? Теперь, дескать,

на человека, которого к тому же, по выражению Орвелла, «испарили» гулаговские опричники? Только потому, что до ареста он был полковником и коммунистом? Ведь никакой другой причины для очернения этого мужественного человека у Солженицына не было. И после этого, выступая в Гарварде, Солженицын обрушивается на журналистов, публикующих «недоверенные» сведения. Или что, что позволено Юпитеру, не позволено быку, как говорили древние?

В «Архипелаге» Солженицын описывает стойкость людей религиозных. Но вот о социалистах (в том числе о меньшевиках, эсерах) сочиняет небывлицы. На эту тему, кстати, еще в самиздатском журнале «Понски», который я редактировал, была опубликована статья Якубовича. Солженицын писал о Якубовиче, который провёл 25 лет в лагерях, как о человеке, у которого не нашлось мужества

продать — это не означает землю «отобрать».

Александр Исаевич приписывает Ленину черты, которых у того и в помине не было: он не амел, о людях не заботился, относился к ним только потребительски и т. д. Между тем даже Николай Бердяев (а у этого философа, изгнанного после Октябрьской революции из страны, оснований любить Ленина не было) писал, что Ленин любил пошутить, заботился о людях, был европейски образован.

Солженицын же вот как преподносит Ленина-революционера: «Когда все силы интелликта в уме употреблены на захват власти, не остается сердца, еще в самиздатском журнале «Понски», который я редактировал, была опубликована статья Якубовича. Солженицын писал о Якубовиче, который провёл 25 лет в лагерях, как о человеке, у которого не нашлось мужества

спасения России, в частности, проект освоения ее северо-востока, что он считает панасеей. Наконец, касаюсь его этических сентенций, его отношения к друзьям. (Тут пришлось вспомнить и о том, как он отнесся в свое время к Твардовскому, Эткинду, Владимиру Гершуни, к самоубийству бывшего руководителя издательства «Имка-Пресс» Морозову, где вышло большинство его книг).

— Опоздал ли, как некоторые пишут, Солженицын на поезд, или успел в Россию вовремя? А может быть, поторопился? Или сел в отцепленный вагон, как тот самый рассеянный с улицы Бассейной?

— Скорее всего — последнее. Он так в отцепленном спецвагоне и ехал по России — во далеком не рассейный. Вокруг этого, конечно, по заране разработанному сценарию (поездку Солженицына по России снимали для специального фильма) была поднята не-

ские, шахраи, стерлигов и все прочие нынешние претенденты на президентский пост в те времена даже кукиш в кармане не держали, да и сегодня не могут ничего предложить хорошему народу, честным труженикам.

Вместе с тем я не вижу, к великому моему огорчению, ни одного из оставшихся в живых диссидентов, который мог бы, став президентом, адекватно выразить подлинные интересы людей труда.

Что же касается Солженицына, то он, хотя и проделал определенную эволюцию от сторонника автократии к стороннику демократии, — комок противоречий. Как художник слова эмоционально реагирует на то, что перед его глазами. И видит то, что на поверхности, не вникая в глубинный сущностный слой, обрушивается на следствия, но не доходит до причинного пласта. У него реактивное мышление, что годится для писателя, но не для глубокого мыслителя, каким должен быть политический лидер современной России.

Для того, чтобы управлять такой страной, каковой ныне является Россия, нужна конструктивная программа, которая стала бы армидной нитью тех, кто выведет народ из того лабиринта бедствий, из той бездны, из того омуты, куда завела его ельцинство.

— В своем «Письме вождям» Солженицын писал: «Я готов тотчас снять из (своего предложения)». Авт.), если кем-нибудь будет выдвинута не критика остроумная, но путь конструктивный, выход лучший и, главное, вполне реальный...» В свете этого высказывания, что могли бы предложить сторонники социалистического выбора и вы как диссидент-социалист в их случае?

— По моему убеждению, это может быть программа полного самоуправления трудовых коллективов, в которых преодолено отчуждение производителей прежде всего от продуктов их труда, в которых ликвидирован наемный труд, унижающий достоинство человека. Это — программа решительного перекрестия плутов нуворинам, возвращая народу всего или нагробленного. Кстати, это вполне в духе приведенного вами пожелания Солженицына из «Письма вождям».

Мы готовы поддержать кандидатуру Солженицына в президенты, если он такую программу выдвинет. Тогда и народ пошел бы за ним, и великий поворот в истории России, да и всего человечества, был бы связан с его именем. Одним критерием такую глыбу, как Россия, с места не сдвинешь. Иначе Солженицын рискует превратиться в надоедливую брешь, о которой будут вспоминать все меньше и все реже.

Институт президентства, между прочим, вообще лучше было бы ликвидировать. Но пока он нужен: если при стабильной экономической системе от того, кто избран президентом, мало что меняется, то при ее неопределенности, зыбкости от личности президента во многом зависит, куда же пойдет страна.

Сейчас ситуация в России такова, что ни один из претендентов на президентское кресло из числа деятелей, известных народу, не способен предложить приемлемую для него программу. А те, кто на это способен, — народу неизвестны, они не могут к нему пробиться и с ним объединиться, ибо не имеют доступа к средствам массовой информации, прежде всего к телевидению. Этот заколдованный круг должен быть разорван. И он, надеюсь, будет разорван.

Владимир БОЛШАКОВ. (Соб. корр. «Правды»). г. Париж.

ошибках своих, он, именно он, добился введения нэпа «все-речь и надолго». И только Сталин обрубил нэп, ибо пренебрег ленинской идеей обществу «дивилизованных кооператоров».

— Вы разбираете все литературные произведения Солженицына в вашей книге?

— Нет. Первая часть ее, о которой я частично рассказал, отвечая на ваши вопросы, называется «Солженицын как обличитель». И поэтому меня прежде всего интересовали его обличения как сталинизма, существовавшего в СССР системы тоталитарного типа, так и разоблачение им Запада. Анализируя отношение Солженицына к Западу, я пришел к выводу, что, даже прожив долгое время там, он критикует западный образ жизни лишь на феноменологическом уровне, обличая темные, негативные следствия капиталистической системы, но никогда не отвергает ее самое. Более того, основной пыл его при этом направляет мимо цели — против «излишней демократии», против «излишней» свободы печати, что в общем-то возмутило не только либеральную интеллигенцию, но и всю прогрессивную общественность Запада.

— Рассматриваете ли вы известную брошюру Солженицына «Как нам обустроить Россию?» и другие рекомендации писателя, с ней связанные?

— Да, конечно. В книге еще четыре раздела: «Солженицын как мыслитель», «Солженицын как политический наставник», «Солженицын как этический гуру» и «Путешествие из Владивостока в Москву». И, наконец, вместо заключения — «Годится ли Солженицын в президенты?».

В этих разделах, как философ, анализирую понимание Солженицыным истины, правды и подлинности, свободы личности, смысла жизни и счастья, добра и зла, демократии и революции, идеологии, марксизма, коммунизма, социализма. Нельзя было обойти и его идею трансцендентного Бога и его критику антропоцентризма, его отношение к гуманизму, его понимание духовности.

Рассматриваю я и его геополитическую концепцию, его вариант урезанного, как я бы назвал, расизма. Анализирую и другие его рецепты

малая шумиха. Но главное здесь другое: он собственными глазами увидел обличение народа, экономическую разруху как следствие ельцинского курса. И дело не в том, вовремя ли приехал Солженицын или как он приехал (с треском или без оного), а в том, с чем он приехал, с какой программой.

А вот четкой социально-экономической программы у него, по-моему, нет.

То он винит во всех бедах все то же коммунизм, из-под обломков которого Россия никак, дескать, не выберется, то бранит — и весьма резонно — нувориней и культ доллара, культ «наживы». А что же предлагает взамен? Уйти в Сибирь. Вывести русский народ на северо-восток, пока все это не захватили китайцы. Вывести его из Европы в Азию, как когда-то вывел Моисей еврейский народ из Египта в Израиль.

Но как народ загнать на такой «подвиг»? Методом трудармий по Троцкому? Или все же методом ГУЛАГа по Сталину?

И главное — какой социально-экономический строй там будет, в этой новой утопии? Не социализм и не капитализм, говорят нам. Так что же? Народ русский может быть спасен «ограниченным» капитализмом со средними, а не крупными капиталистскими монополиями? Но тут нельзя не сказать: поимте же, наконец, Александр Исаевич, что стихия частнокапиталистического хозяйствования все равно приведет к монополистическим корпорациям со всеми их пороками, против которых вы так верно и так яростно выступаете. Гора ваших обличений в таком случае родит очередную мышь. И только.

А как вы относитесь к идее самарского филиала «Союза беспартийных», выдвинувшего Солженицына в Президенты России?

— Мое отношение к Александру Исаевичу, как вы, наверное, успели заметить, весьма сложное. Я был бы очень рад, если бы кто-то из нашей когорты диссидентов стал президентом нашей многострадальной страны. Это было бы и заслуженно, и оправданно: ведь именно диссиденты, презирая тюрьму, открыто боролись против тоталитаризма за демократию, тогда как ельцины, гайдары, бурбулысы, явля-